

УДК 130.3

Общность механизмов высшей нервной деятельности в сакральном переживании и творческом «озарении» (подходы к проблеме)

В. А. Мальчуков, Н. В. Мальчукова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
e-mail: philosophy@chair.isu.ru, ninamalchukova@mail.ru

Рассматривается проблема общности механизмов высшей нервной деятельности в сакральном переживании и творческом «озарении». Показана недостаточность физикалистских и редукционистских подходов к данной проблеме. Подчеркивается, что реалистическое объяснение психической деятельности человека возможно, когда эта деятельность понимается как взаимоперевод и взаимосвязь кодовых систем разной природы.

Ключевые слова: высшая нервная деятельность, сакральное переживание, творческое озарение, физикализм, редукционизм, взаимодействие кодов.

Широко известные высокопродуктивные творческие состояния, такие как интуиция, вдохновение, инсайт имеют довольно солидную традицию своего изучения, в которой данные состояния трактуются как особое самораскрытие функции сознания, достигаемое при необычных условиях воздействия на мозг звуковых средств (в том числе словесной природы), психотропных средств, электромагнитных колебаний, обрядовых коллективных действий. Кроме того, подобные состояния возможны в полудреме, перед пробуждением. Они не только порождают особо комфортные переживания радости, легкости, своеобразного духовного и телесного парения, но и оборачиваются открытиями научного и художественного характера.

Сакральность в любых ее проявлениях, и особенно в конфессиональной форме предстает как довольно сложное синкретическое явление гуманитарной природы, в котором синтезированы мировоззренческие, этические, эстетические представления и реалии. Единство этих представлений и реалий выступает как разнообразие языково-коммуникативных систем и символов, несущих или процессуально (процедурно) выражающих мистико-магическое содержание. Частично эстетические феномены, например, словесной или музыкальной природы, взятые в их светском варианте, также необходимо содержат мифоархетипический, а, следовательно, магический компонент. Поэтому при самом общем подходе становится понятной власть волшебства сакральности в ее влиянии на функционирование центральной нервной системы человека и в порождении ею переживаний благодати, бестелесности, ду-

ховного экстаза. Точно также общность природы средств воздействия на центральную нервную систему – языков, символов – при первоначальном рассуждении вполне может быть положена в качестве принципа, объясняющего «гипнотическое» воздействие сакрального. Но требование более аналитического представления о тождественности воздействия на психику человека символических средств и действий в сфере религии и гражданской гуманитаристики заставляют, во-первых, более пристально анализировать природу естественного языкового процесса с позиций лингвистики; а во-вторых, подключать к такому анализу данные и результаты ряда других специальных и общенаучных дисциплин: психологии, нейрофизиологии, семиотики. Причем в освещении будут нуждаться и некоторые методологически важные общие подходы к этому вопросу, обосновываемые в области пересечения философии и психологии. Некоторое приближение к выполнению задачи очерченного содержания и предпринимается в данной статье. То, что объектом рассмотрения должен быть именно обычный естественный язык, вполне объясняется его универсальностью, и влиятельные, хотя и не всегда методологически адекватные (например, редуционистские) теории складывались именно относительно речевого поведения. При этом следует учитывать, что обычный язык информативно неоднороден. Он, по сути дела, синтезирует сенсорно-кодую и рационально-логическую информацию.

Научное исследование проблемы речевого поведения (как и поведения человека вообще) в когнитивной психологии на протяжении XIX–XX вв., как известно, прошло ряд этапов – от бихевиоризма, через гештальтпсихологию и ее критику в рамках неопозитивизма, к теории универсального порождающего синтаксиса (см. [7]) и к менталистскому «ренессансу», который на сегодня проявляет себя как достаточно сильная тенденция, реализуемая нарастающим контактом экспериментального и теоретико-методологического уровней, что обеспечивает укрепление того понимания поведения человека (в том числе речевого), согласно которому это поведение базируется на сложном, системном, эволюционно наработанном механизме согласования высшей нервной деятельности субъекта и многообразных проявлений среды. Причем в этом согласовании громадную роль играют процессы выбора из заготовленных заранее и сохраняющихся в виде кодов памяти результатов и конструирование заново схем и программ поведения и речепроизводства (целесообразность и целеполагание).

Тем не менее, каждому из упомянутых этапов неизменно соответствовала своя форма редуционизма и физикализма, и при этом каждая из них неизменно обнаруживала собственную объяснительную несостоятельность, как только дело касалось относительно усложненных форм речевого поведения¹.

Гештальтпсихология, например, противопоставляя себя радикальному бихевиоризму и, редуцируя процессы в центральной нервной системе к физическим и математическим законам, по сути дела элиминировала вопрос об

¹ Более подробный анализ исходных форм редуционизма и физикализма можно встретить в исследованиях Б. М. Величковского (см. [1]). В настоящей работе воспроизводится только тот материал, который имеет отношение к нашей теме.

активности субъекта в его возможности влиять на процесс познания и отгораживала его психические возможности от окружающего мира. В результате законы гештальтизма, претендующие на универсальность, оказались непригодными даже для объяснения причин психологических феноменов зрительных иллюзий, связанных с преобразованиями образов и их инерций на почве воздействия на психику культурных факторов. Физикализация психических процессов даже с элементами математизации в рамках различных форм позитивизма стремилась жестко зафиксировать всевозможные высказывания в формах некоего гарантированного языка, представляющего чистые «физические события». Универсальный генеративный синтаксис, к тому же врожденный, объясняя все реальные высказывания как поверхностные проявления глубинных грамматических структур, продолжает эту же философскую традицию жесткости, отгораживающей синтаксис от семантики и прагматики и, следовательно, в конечном счете, не проясняет процесс речеобразования и практически обедняет его понимание, снимая значение практики (реального действия человека) и форм конкретного социокультурного опыта.

Во второй половине XX в. базисный арсенал редукционистской технологии обогатился за счет информационно-кибернетических концепций, а также вновь формирующихся теоретических представлений о так называемых мэонных и торсионных полях. В рамках этих представлений мэоны, определяющиеся как сверхлегкие частицы, обладающие большой длиной волны, неопределенной во времени, рассматриваются с конца 1970-х гг. в качестве носителей универсального семантического поля Вселенной [см. 5; 6]. Благодаря этому семантическое поле генерирует в межмолекулярном и межнейронном пространстве головного мозга так называемые психоны, посредством которых человек воспринимает информацию о мире не на основе рецепторов, а гораздо скорее и непосредственно [см. 5; 6].

Однако даже если отвлечься от проблемы реальности торсионных и мэонных с точки зрения естественнонаучного знания [см. 3], очевидно, что сторонники их наличности, настаивая на самостоятельном существовании семантических, информационных полей как второй стороне материальной реальности вообще¹ [см. 5; 6], гипертрофируют роль этих полей. Таким образом, они фактически игнорируют то обстоятельство, что данные объекты могут существовать только в единстве со способом своего представительства, т. е. с языком. В то же время, если допустить, что вся действительность является носителем еще одного универсального и интегрального свойства, каким выступает язык в виде многообразия языков, возникает вопрос: насколько оправданно такое расширение сферы применения понятия «язык»? Ведь понятие семантического поля впервые было обосновано в теоретической лингвистике для описания семантических явлений в естественных языках.

С одной стороны, такое расширение применения понятия «язык» имеет прежде всего достаточно твердое объективно-онтологическое обоснование,

¹ Данные взгляды представлены также в публикациях в журнале «Сознание и физическая реальность», основанном в 1996 г. и издающемся по настоящее время.

которое кроется в том, что мир материальных взаимодействий порождает массу явлений, имеющих характер условно-знаковых свидетельств о чем-то другом, чем сами эти явления, а они (явления) замещают в своих формах какие-то не данные непосредственному наблюдению взаимосвязи, структуры и т. д. Тем не менее, с другой стороны, здесь, в мире неодушевленных материальных систем, семантическое отношение объективно имеет место лишь в потенциальной форме, так как в данном случае не реализуется функция «прочтения текста», а только условное системное отношение возникающих во взаимодействиях следов к скрытым характеристикам явлений [4, с. 378].

Таким образом, сторонники идеи торсионных семантических полей, на наш взгляд, принимают некоторые слишком сильные допущения относительно семантики, а, следовательно, и языка. В результате семантическому полю приписывается иницирующая функция в изменении состояний субстанции [см. 5]. Далее, благодаря принятию гипотезы специфических квантовых носителей семантического поля (мэонов, торсионов), обладающих сверхвысокими энергиями, кажутся объяснимыми процессы высокоэффективной работы человеческого сознания, а также творческой интуиции, инсайта, озарения [5, с. 16–18]. Однако здесь сразу же возникает серия вопросов, на которые, исходя из упомянутых допущений о семантических полях, получить удовлетворительные ответы достаточно сложно. Вот некоторые из них. Если интуиция и инсайт суть результаты непосредственного вхождения психики человека в контакт с семантическим полем – носителем универсальной информации, то чем (или кем) дарована эта особая способность контакта со сверхинформацией отдельным представителям *homo sapiens*? Ведь способность творческой интуиции, инсайта тем выше, чем шире и полнее человек владеет семантическими богатствами, полученными благодаря упорному усвоению традиционных языков традиционными способами (образование, воспитание). Это соображение приводит к другим вопросам: как относятся язык и сознание человека к семантическим полям; каковы условия и предпосылки возникновения сознания и языка; или, иными словами: являются ли сознание и язык чем-то определившимся самостоятельно для последующего контакта (посредством интуиции, инсайта) с семантическим полем или их начало иницировано семантическим полем?

Следует заметить, что проблема взаимосвязи языка и сознания, а также в целом проблема происхождения высших психических функций, в сумме составляющих сущность данных вопросов, представляются более успешно объяснимыми с позиций традиционных требований научности и принципа более или менее оправданной простоты. В противном случае, решая упомянутые проблемы с позиций современного физикализма, мы закономерно пришли бы либо к идее Бога или высшего разума, либо к платоновскому миру идей. Однако оба эти допущения, согласно принятой линии рассуждения, не являются удовлетворительными.

Итак, физикализм современного типа от прежних разновидностей отличается только тем, что в основу принципа объяснения кладет последние достижения естественнонаучного знания. Сама же объяснительная технология

остается прежней – это крайний редукционизм, т. е. стремление свести сложность психической реальности к абсолютно базовому, последнему и простому явлению или объекту. Сам по себе редукционизм, конечно, не приходится считать подходом, всецело определяемым произволом исследователей, хотя желание объяснить из единого простого основания начало Вселенной, функционирование человеческого мозга и перспективу ноосферной цивилизации как для определенного ученого, так и для их сообщества, всегда остается весьма заманчивым. Почву, питающую редукционизм и физикализм, образуют в основном два обстоятельства: 1) трудности объяснения, обусловленные сложностью объекта исследования (в нашем случае таким объектом является язык в его связи с мозговым кодовым представительством); 2) наиболее сенсационные гипотезы естественнонаучных дисциплин (новые теоретические допущения поиска в области дальнедействующих взаимодействий).

По поводу упомянутых трудностей следует заметить, что современные методы экспериментального анализа процессов, протекающих в коре головного мозга (генно-нейрональный метод, нейротопографический) пока еще не обеспечивают должной степени разрешимости и спецификаций как в области структурно-функциональной нейрональной представленности естественного языка в частности, так и в области кодовых структур функционирования мозга в целом. В то же время внешний мир воспринимается и понимается человеком только на основе языка и соответствующих кодовых мозговых преобразований. В связи с этим необходимо подчеркнуть, во-первых, что перенесение на окружающий мир характеристик языка оправдано в основном гносеологическими и эвристическими установками. В остальном мир есть единство объектов, процессов, явлений и событий, с которыми человеку приходится общаться и взаимодействовать практически (технологически-преобразовательно). Мир, бесспорно, информативен, но только с помощью языка и мозговых процессов (как-то соответствующих объективной реальности) человек может «вычерпывать» эту информацию. Каким-либо непосредственным способом (особым семантическим полем) информация в материальном мире не представлена. К тому же информация на уровне человека и социальных систем – многообразный феномен, и ее синтезы и дифференциация могут эффективно осуществляться только такими богатейшими по разнообразию системами, какими выступают язык и мозговые кодовые процессы, являющиеся величайшими достижениями антропосоциогенеза.

Отсюда, во-вторых, понятно, что вряд ли оправданно направление синтеза языкового и внутримозговых процессов в рамках некоего гомогенно представленного феномена, какой бы то ни было природы. В этом плане вполне справедливой надо признать следующую оценку материалов дискуссии по поводу поиска так называемого «языкового гена», или «гена грамматики»: «Несмотря на чрезвычайный резонанс, вызванный публикацией этих данных, нужно подчеркнуть, что делать вывод об открытии “языкового гена” (FOXР2. – *Авторы*) явно преждевременно: нарушения языковых процедур, ассоциирующихся с этой аномалией (структурным нарушением кода. – *Авторы*), еще не есть доказательство кодирования такой сложнейшей функции

именно этим геном (как и вообще одним геном), тем более что он был идентифицирован и у других биологических видов. Нельзя не вспомнить, что гены FOХ известны как ключевые регуляторы эмбриогенеза, и их мутации приводят к видоспецифическим заболеваниям человека; аномалия FOXP2 влечет за собой нарушение развития в критический период, не позволяя адекватно сформироваться структурам, которые должны будут впоследствии обеспечивать усвоение языка. Нужно подчеркнуть, что идентификация FOXP2 – не более чем первый шаг к декодированию системы максимальной сложности» [8, с. 136].

В-третьих, поскольку сложность системы естественного языка свидетельствует о еще более сложной системе своего «мозгового представительства» и обе системы неразрывно взаимосвязаны и постоянно взаимодействуют, то это указывает на необходимость взаимодополнительного их исследования, учитывающего моменты диалектики внешнего и внутреннего. Язык как внешнее, бесспорно, имеет сходство с процессами кодовых преобразований, протекающих в зонах коры головного мозга. Ясно, однако, что речь не может идти о каком-то изоморфном совпадении. В то же время понятно и то, что исследования и того и другого должны проводиться в языково-кодовых терминах и концептах, а результаты резюмироваться в них, так как репрезентативно-преобразовательная сущность тех и других феноменов одна и та же. Это свидетельствует о сложности вычислительных преобразований и синтеза информации в процессах высшей нервной деятельности, обеспечивающих речевую функцию и результирующее высказывание – текст, интуитивно-творческий результат. По этой же сложной схеме происходит декодирование речевого феномена адресатом. Поэтому и общий аналитический подход в исследовании процессов речепорождения не может не быть динамически-системно-статистическим. Динамика здесь выражает постоянную процессуальность и взаимодействие внешнеязыковых и мозговых процессов; системность – сверхсложную иерархию элементов и уровней тех и других и самого их взаимодействия; а статистика – вероятность «схватывания» кодовыми преобразованиями возможного полезного речевого результата.

Возвращаясь к нашей двойной постановке вопроса о механизме сакрального переживания и творческого озарения, придется отметить, что охарактеризованные физикалистские подходы выглядят, безусловно, чрезмерно упрощенными для реального теоретического воссоздания речепорождения и речевосприятия. Возможность реалистического истолкования как раз и появляется, если принять во внимание отмеченную сверхсложную иерархию кодовых типов внешнего и внутреннего порядка, их взаимопреобразований, а также вероятностный характер «вычисления» на основе этих взаимопреобразований полезного как речевого, так и общего поведения. Надо заметить при этом, что полезность поведения может программироваться как отправителем речевых комплексов, так и самопрограммироваться субъектом – носителем языка. Отсюда становится понятным сам принцип программирования отправителем с помощью речевого обращения к адресату полезного поведения последнего (заметим, что «полезность» поведения может трактоваться в широ-

ких пределах: от полезного для отправителя, но вредного для адресата поведения в ряде ситуаций применения гипноза и химических препаратов до самопрограммирования в решении сложных творческих задач, когда спонтанно может возникнуть общее решение проблемы на основе некоторой частной модели, возможно, даже модели образного порядка, получающей, однако, очень скорое рациональное выражение и оформление). Принцип состоит в том, чтобы активизировать одни уровни кодовых преобразований в рамках высшей нервной деятельности при демпфировании, а то и почти полном устранении связанных с ними других. Говоря иными словами, благодаря интуитивному или сознательному учету многослойности кодового строения языка и деятельности мозга, их иерархичности отправитель сообщения действует так, что в случае гипноза исключает вероятность поведения медиума путем торможения «лишних» кодовых возможностей медиума и делает его поведение в идеале однозначным. В ситуации самопрограммирования торможение (именно торможение и приглушение) излишней опеки со стороны вершины кодовой иерархии – рациональных кодовых структур – открывает свободу для работы остальных кодовых процессов (стимулирует их непринужденную игру), и это может приводить к яркому результату помимо воли и контроля субъекта. Такой результат достигается субъектом как бы в автономии от своего «Я», и только в последующем оформлении результата «Я» вновь обретает свою силу и право, благодаря чему результат становится проявленным и принимаемым, т. е. интерсубъективным.

Таким образом, если ставить вопрос о внутреннем генераторе человеческой фантазии, озарения, экстатических состояний, то ответ на него следует искать в семиотической полиморфности естественного языка и его внутрикодовой репрезентации, в возможности управления высшей нервной деятельностью путем вариативной реализации этой полиморфности в действительной речи. Искусно применяемое слово может служить «включению» одних возможностей центральной нервной системы при «выключении» других, а также может быть средством различных усилений работы специфических зон коры головного мозга и получения необычных кодовых синтезов.

Литература

1. *Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология / Б. М. Величковский. – М., 1982.
2. *Кузнецова Т.* Сибирская Академия Энергоинформационных Наук. Лечить или калечить? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nevskiy.orthodoxy.ru/news/2006_08_18_1.html
3. *Ландсберг Г. С.* Избранные труды / Г. С. Ландсберг. – М., 1958.
4. *Лесков Л. В.* Семантическая Вселенная: МБК-концепция // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 1994. – № 1. – С. 15–20.
5. *Налимов В. В.* В поисках иных смыслов / В. В. Налимов. – М., 1993.
6. *Хомский Н.* Язык и мышление / Н. Хомский. – М., 1972.
7. *Черниговская Т. В.* Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / Т. В. Черниговская ; под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. – М., 2006. – С. 127–148.

Generality of Highest Nervous Activity Mechanisms in Sacral Experience and Creative «Inspiration» (approaches to the problem)

V. A. Malchukov, N. V. Malchukova

Problem of generality of highest nervous activity mechanisms in sacral experience and creative «inspiration» is considered. Insufficiency of physicalistic and reductionistic approaches to the given problem is shown. It's emphasized that a realistic explanation of person mental activity is possible when this activity is understood as mutual retranslation and interrelation of code systems of different nature.

Key words: highest nervous activity, sacral experience, inspiration, physicalism, reductionism, interaction of codes.

Мальчуков Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения Иркутского государственного университета, e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Мальчукова Нина Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Иркутского государственного университета, e-mail: ninamalchukova@mail.ru